Я КОММУНИСТ

Наш корреспондент Елена Дапгулова обратилась к главному режиссеру Театра им. Моссовета, лауреату Ленинской премии, народному артисту СССР Юрию Завадскому с просьбой рассказать, какими особенностями характеризуется творческая жизнь театра, 50-летие которого отмечается в эти дни.

КОГДА меня попросили выступить в «Совет.ской культуре», я подумал о том, что мы с вами делаем общее дело и что все мои рассуждения о советском театре тоже кровно связаны с понятием **советская культура**, которое сегодня должно объяснять и задачи театра, и значение других искусств, для того чтобы это понятие воспринималось не только географически, но и означало уровень требовательности советского искусства.

Можно много рассуждать о задачах искусства, и рассуждать интересно. Тем не менее эти рассуждения так и останутся рассуждениями, если мы не возьмем из них то, что действительно является для нас решающим.

Я прекрасно понимаю, что повторение истины всегда звучит недостаточно убедительно. И все же, когда я стою перед памятью моих учителей и их дела, у меня складывается впечатление, что мы, как никогда, сегодня обязаны говорить об этих простых истинах — о недоисполненных наших обязательствах. Впрочем, те обязательства, которые должен взять на себя театр, безграничны, и поэтому говорить о их выполнении в примитивном понимании нельзя, так как обязательства театра возникают на жизни, питаются жизнью и на каком-то уровне накопления приобретают принципиально новое значение — они неисчерпаемы.

По аналогии можно сказать так: сначала были отдельные попытки Станиславского повысить уровень мастерства актеров, когда же это для самого Станиславского перешло в новое качество, это уже был новый уровень развития театрального искусства — его система предполагала очень высокий духовный накал, высокую роль, духовную этику. Для того чтобы выполнить ее, потребовалось обстоятельное ощущение ответственности — **Что оставляет искусство в душах тех, кто его воспринимает.**

Мы говорим — искусство питается жизнью. Но оно и воздействует на жизнь, как же новая сила, эмоционально расценивающая окружающую действительность. Станиславский противопоставил искусству на потребу, которым оно было когда-то, прогрессивное, требовательное искусство, обязанное преображать человеческие души. Эта система Станиславского своей провидческой программой завтрашнего дня рождает в душе творца тревогу о будущем искусства.

Я — КОММУНИСТ. И для меня, человека театра, счастливое будущее нашего общества — это одновременно и будущее театра. Полнота счастья неизменно связано с формированием человека как личности гармонически развитой, способной на высокий настрой духа.

На Западе сейчас много говорят о том, что техника уничтожает в человеке человеческое, превращает его в один из бесликих винтиков огромной машины технического прогресса, обезличивает, окостеняет людей, царирует духовное начало. Да, постепенно техника проникает во все сферы жизни, создает тот комфорт, о котором люди могли только мечать, но не это главное. Главное, она высвобождает духовную энергию. Техника не самоцель, а средство для перестройки психологии человека.

Как-то один драматург высказал, на мой взгляд, очень точную мысль: «Если раньше человечество проходило испытание на голоду, то теперь — на сытость. Наше общество тем и сильно, что лучшие его люди всегда строили не для себя, а для всего общества».

Ленин, мечтая о коммунистическом завтра, мечтал о гармоничном развитом человеке, не только о развитии всяческих материальных благ. Комфортабельный быт еще не создает коммунизма. Для коммунизма требуется наивысшее проявление жизни человеческого духа, и наша задача сегодня думать о том, каковы будут помыслы, устремления человека завтрашнего дня.

Роль, которая принадлежит в этом строительстве театру, неизмеримо переоценить. Но и он должен постоянно расти как творческий организм, постоянно пробивать новые пути развития зрелищного искусства. В этой связи хочу напомнить слова Ленина, сказанные им в 1920 году:

«Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на высокое зрелище искусство». И дальше Ленин говорит о том, что для меня особенно важно: «Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создаст почву для культуры, — конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешен. Из этой почвы должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию».

Это чрезвычайно смело, Ленин. А вы знаете, что Ленин был очень щепетилен, требовательен и всякое понимание его слова Владимира Ильича как наказ советскому театру. И мне кажется, что наступило время, когда надо иллюстрируя говорить об этой великой миссии советского театра.

С БОЛЬШИМ волнением наш коллектив обсуждал решение Моссовета бороться за то, чтобы Москва стала образцовым городом страны. Наш театр — театр Москвы, театр, носящий имя Моссовета. И мы выдвинули лозунг: «Образцовому городу — образцовый театр». Для нас, это ни в коей мере не означает, что мы уже считаем себя такими. Если бы мы считали себя такими, то это означало бы, что мы зазнались.

Если раньше к моим мыслям о театре примешивалось всегда этакое неприятное чувство — может быть, я, рабочусь о каких-то лучших условиях для себя, то сейчас я ушел, программируя, которую я предлагаю, будет выполняться учениками, последователями, теми, кто примет эту программу. Программа эта — конкретное, практическое развитие того, что я получил от своих учителей.

Я всегда предлагаю своим актерам, режиссерам, которые со мной занимаются, более расширенно и глубоко понимать формулу Константина Сергеевича о том, что **вчерашнее есть знание дня, вчерашнее в завтра.** Разумеется, это «вчера в завтра» и определяет мощность художника. Для тех же, кто считает без всякой связи со своим народом, со своей историей, без ощущения того, куда же должно направлять усилия, это завтра выглядит очень мирогонным. Завтрашний успех или что-нибудь в этом роде.

Наша программа не рассчитана на мгновенный успех, это не то, что вот сегодня я пообещал, — и с завтрашнего дня уже будет образцовый театр: за него надо бороться, его надо строить.

ЧТО же нужно сделать? Тут я не открою ничего нового. Строго говоря, прежде всего студийность в жизнь предложенную Станиславским программу.

«Мою систему, — говорил Константин Сергеевич, — недостаточно прочитать. В нем надо жить — значит уметь». Если вы прочтете руководство по пианизму, вы еще не стали пианистом. Вы должны работать. У нас же, к сожалению, нередко работа актера над собой завершается в период ученичества.

Что такое театр сейчас? Да, искусство, но частично и предприятие. А раз предприятие, значит, главный инженер — главный режиссер выдает в виде спектаклей продукцию, а администрация ее реализует. Вы же представляется, что настоящий театр, творческий театр, должен быть своего рода лабораторией в высоком смысле слова. Каким был МХАТ для Станиславского.

Пять лет мы, педагоги, стараемся привить нашим студентам хорошие, полезные мастерству на примерах мировых шедевров, стараемся держать в курсе самых интересных современных событий в искусстве, выявляем индивидуальность, собственный почерк, стараемся создать наиболее благоприятную обстановку для развития самостоятельного видения жизни. Но для чего все это, если актеры сразу после окончания института подчас забывают о том, на чем основано их мастерство, их профессиональность. Сломчил школу — поставили голос, держится более или менее привычно — уже актер.

Неумение владеть современными театральными технологиями, плохо сделанный образ строить свой образ, незнание своих слабых сторон, неумение их преодолевать, трудные говорить на сцене, наиболее точно и выразительно донести мысль — все это явления непрофессиональности, превращающие актера в любителя-дилетанта, которому не может быть места на сцене. В принятом нашим театром уставе есть такой пункт: каждый должен заниматься техникой мастерства по три часа в день. Требование обязывает актера к себе снимает мягкую условности и штампы.

Станиславский говорил, что штамп — омертвелое мастерство, лишенное доброго, нормального непонимания характера. Штамп смыкается с ограниченностью. Но случайно весь смысл формальной формы Станиславского, если можно так обобщенно сказать, был в том, что он обрушивал против ремесла и стремился поднять искусство театра до уровня великой русской литературы. Он любил повторять. Нельзя научить, можно только научиться. Мы даем эту возможность учиться каждому.

Думается, что в репетиции, если им будет предшествовать такая работа актера над собой, пойдут на другом уровне.

Что такое уровень? Мы неможно бывает этого слова. Но есть понятие «вдохновение», как понятие «мобилизованности предельной», а есть обыденное существование, перевоплощению еще не дает права носить высокое звание современного актера. Мечтаю о том, чтобы в нашем театре наряду с занятием сцены — занятия происходили встречи с людьми, деятельность которых — явление в нашей жизни.

АКТЕРСКАЯ индивидуальность может расти только в том случае, если актер будет стоять на жизнью. Если он будет чувствовать пульс ее не только по газетам, не только по телевидению, а прежде всего в живом общении со зрителем. Поэтому особо решится проблемы связи со зрителем. Сейчас мы задумали, например, попробовать в некоторые наши спектакли выпускать даже не у себя на сцене, а на сценах рабочих клубов, включая в процесс выпуска спектакля активистов этих клубов.

Мы думаем о создании драматургической лаборатории. Конечно, если не будет настоящего репертуара, будет плохо, слабые пьесы, у нас ничего не получится. Я думаю, что настало время и тут сотрудничать с драматургами. Ведь это безвыходная ситуация, когда автор говорит: «Как я могу выразить то, что нет в пьесе».

Что самое главное для театра? Жизненно важная проблема, которая заставляет о себе говорить. Значит, можно поставить автора в определенные условия, и он будет действовать, и возникнет основа драматургии — конфликт. Если драматург — участник этого процесса, он завтра принесет готовую сцену. Так Станиславский работал, об этом мечтал великий русский драматург А. Н. Островский. Он говорил: «Труппа, чтобы разыграть изящное драматическое произведение сообразно его художественному достоинству, то есть, чтобы дополнить, воплотить данные автором характеры и положения, возвратить опять в жизнь изящные автором из жизни идеалы, должна быть прежде всего слажена, сплочена, однородна». Подчеркиваю: дополнить, воплотить

Горький тоже выдвигал идею создания пьес в **органической работе с театром.** Л. Н. Толстой работал со Станиславским, Чехов тоже. Шекспир — замечательный драматургов — выходец из театра. Мольера создал театр.

Все эти задачи, стоящие сегодня перед нами, требуют и дальнейшего развития теории, и дальнейшего сценического искусства, то есть развития и его архитектурного ансамбля.

В заключение я хотел бы обратиться ко всем моим коллегам: мы не имеем права подходить друг к другу с позиции конкуренции. Мы служим общему делу — нашему советскому искусству, решению большую, огромную программу, ленинскую программу. И должны решать ее **каждый по-своему, но все сообща.**

Я лично и мои товарищи считаем себя обязанными начать превращение театра обычного, даже хорошего, в **театр высокой** духовной требовательности. Конечно, это не придет само собой, за это надо бороться за высокое искусство, высокую драматургию, великолепное исполнение, за духовное начало, воспитывающее человека.

Я представляю себе читающих: вот Завадский опять поторопился, опять говорит то же самое. Но сегодня, как никогда, надо раздумывать над вещами, которые кажутся безусловными: их надо раскрывать постоянно, так как плодотворность этих идей неисчерпаема и бессмертна.

Перед нашим обществом стоит огромная ответственнейшая задача: сделать коммунистическую программу программой всего человечества. Для этого не произойдет, то в результате полной бездуховности, эгоизма, цинизма, человечество ждет трагический финал. И не абстрактно, а реально, так как сегодня человечество стоит на пороге разрешения векового конфликта, что победит: добро или зло.

Вот откуда истоки борьбы за перевод театра в новое качество, совершенствование его духовной миссии на земле.

Для невнимательных может показаться, что это внешне формальное развитие системы Станиславского. Но если наша программа будет выполнена, мне кажется, произойдет нечто чрезвычайно существенное: средствами искусства будет создана духовная атмосфера в мире.

Теперь о том, что эта программа «донкихотская». Что же, дело всегда делилось на тех, кто верит и кто не верит в завтрашний день. Первое, что отличает нас, коммунистов: мы верим и строим будущее, но имя будущего существом.

Юрий ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА 30 ноября 1973 г.